

В. И. и Л. Д. ФИЛИППОВИЧИ — ГЕРЦЕНУ

Публикация Натальи Эфрос

К небольшому числу лиц, окружавших Герцена в Новгороде и скрашивавших ему тягостные годы ссылки (1841—1842), принадлежали супруги Филипповичи. В письме от 28 ноября 1841 г. Н. А. Герцен сообщала своей владимирской приятельнице Ю. Ф. Куруте: «...мы познакомились с Филипповичами; это — люди, поставленные образованием и чувствами много выше других; одна эта встреча выкупает для меня много новгородского холода и пустоты...» (II, 469). Встречи с Владимиром Ивановичем *Филипповичем* (1796 — 1862) — генералом, который «всего меньше был похож на генерала», и его женой, Ларисой Дмитриевной *Филиппович* (рожд. Гардениной, ум. в 1868 г.), описаны Герценом в «Былом и думах», в хорошо известном рассказе «Новгородские споры с дамой». С большой теплотой и сочувствием вспоминает Герцен о Филипповичах, незадолго перед тем переживших тяжелое горе — потерю всех трех своих детей. «Осиротевшая мать, — пишет Герцен, — совершенно предалась мистицизму (...) Но как ум чрезвычайно деятельный, она вызывала на спор и знала свою силу (...) Нападки ее на мою философию были оригинальны (...) Я возражал, я спорил...» (XIII, 18, 19). Напомним, что в споре с Л. Д. Филиппович о религии, «в споре с дамой», зародился замысел первого большого философского труда Герцена «Дилетантизм в науке».

Дружба с Филипповичами не оборвалась и после отъезда Герцена из Новгорода. Летом 1843 г. они навестили его в Покровском. Их приезд был отмечен в дневнике Герцена как значительный факт. «Посещение Фил(ипповичей); оно мне было дорого, сверх личных отношений, потому, что показывает жажду людей сообщаться, обновляться, передавать свое; сто верст скверной дороги и три дня — жертва, которую даром не делают, особенно люди, делающие это не от пустоты и скуки. Такие вещи иногда если не мирят, то укрощают мою нелюбовь к нашему обществу» (запись от 21 июня 1843 г. — III, 129).

Отношения поддерживались и перепиской. Из этой переписки в печати было известно до сих пор только одно письмо Л. Д. Филиппович, 1843 или 1844 г., ответ на герценовское (III, 483). Публикуемые ниже два письма свидетельствуют, что переписка с Филипповичами не прекращалась и в позднейшие годы, в заграничный период жизни Герцена. Наконец известно, что в 1865 г. Герцен встретился с Л. Д. Филиппович в Женеве: «Была здесь (и теперь здесь), — писал он сыну 18 мая 1865 г., — Филипповичева; ты помнишь по рассказам? Она очень желает вас видеть» (XVIII, 95).

О новгородских друзьях Герцена в литературе известно немного. Печатая «Былое и думы» еще при жизни Филипповичей, Герцен не раскрыл их фамилии. Это было сделано впервые Лемке, который, однако, допустил ошибку в имени Филипповича, назвав его не Владимиром, а Иваном (XIII, 17). Комментаторы последующих изданий «Былого и дум» исправили ошибку Лемке, но при этом допустили другую: о Филипповиче периода общения с ним Герцена в Новгороде было сказано, что это «чиновник в отставке». И хотя такая справка противоречила герценовскому рассказу, она вошла почти во все комментарии послелемкевских изданий «Былого и дум». В действительности Владимир Иванович Филиппович был кадровым военным, прошел длинный служебный путь и вышел в отставку лишь в 1862 г., незадолго до смерти. Внимание, которое проявил Герцен к Филипповичу, — в жизни и на страницах своих

знаменитых мемуаров,—побудило нас собрать основные биографические сведения об этом человеке, о котором мы до сих пор ничего не знали.

Филиппович был воспитанником Московского благородного пансиона, из которого он перешел в Московский университет. Службу в армии он начал в конце 1812 г. — шестнадцатилетним прапорщиком «из студентов». Получив назначение в третий пехотный полк Нижегородского ополчения, он принял участие в Отечественной войне, вместе со своим полком проделал боевые походы 1813—1815 гг. и провел свыше полугода во Франции. В 1816 г. он был переведен в 9-ю артиллерийскую бригаду, а в следующем году перешел на нестроевую службу по квартирмейстерской части, в 1829 г. зачислен в генеральный штаб. Польское восстание застало его обер-квартирмейстером 4-го пехотного корпуса, участвовавшего в военных операциях в Польше. В 1840 г., уже полковником, Филиппович перешел в корпус топографов, а затем в корпус флотских штурманов. Ко времени знакомства с Герценом он занимал должность начальника по выделу корабельных рощ в Балтийском округе; тогда же (19 апреля 1842 г.) он был произведен в генерал-майоры. Своим образованием и знаниями высококвалифицированного военного специалиста Филиппович резко отличался от обычного типа строевого генерала николаевской армии. Поэтому-то Герцен и писал о нем, что он не был похож на генерала.

Позднее, в 1852 г., Филиппович был назначен помощником начальника округов пехотных солдат Новгородской, Витебской и Могилевской губерний, а в 1857 г. — военным и гражданским губернатором Новгородской губернии и произведен в генерал-лейтенанты. На этой должности он оставался по 4 мая 1862 г., когда ушел в отставку (см. «Русский биографический словарь», т. Фабер—Цявловский, стр. 112; формулярный список В. И. Филипповича: ЦГИАЛ, ф. № 1284, оп. 41, д. 102, 1857, лл. 16—23; ЦГВИАЛ, ф. 395, оп. 54/578, 1 отд., III ст., св. 2, д. 384).

С. И. Носович, сталкивавшийся с Филипповичем в 1861—1862 гг., в связи с проведением в Новгородской губернии крестьянской реформы, и бывавший у него в доме, показывает нам его и жену его двадцать лет спустя после встреч с ними Герцена и примерно в то самое время, к которому относится первое из публикуемых писем. Носович отзывался о супругах Филипповичах, как о людях просвещенных, а о генерале — как о человеке умеренно либеральных воззрений, от природы хорошем, но слабовольном. «Мы (...), — рассказывает Носович, — провели вечер за чайным столом в истинно серьезных разговорах: о классицизме и романтизме, о живописи, о Костомарове, ожидаемом в Новгород, и о других предметах, в рассуждении которых старый губернатор выказал себя человеком, вполне интересующимся всем, воспитанным в Московском университетском пансионе, вообще хорошим человеком, хотя по личному характеру своему, выработавшемуся вследствие постоянной зависимости своей от службы и начальства, человеком крайне со слабым характером, девизом которого может служить (...) поговорка: „Все было бы хорошо, если бы только была тишь, да гладь, да божья благодать“» («Крестьянская реформа в Новгородской губернии». Записки С. И. Носовича. 1861—1863. СПб., 1899, стр. 8, 15).

* * *

Публикуемые письма не подписаны. Однако принадлежность их новгородской приятельнице Герцена бесспорна. Оба письма написаны женщиной, и авторство Л. Д. Филиппович, помимо содержания писем, подтверждается сделанным нами сравнением их почерка с почерком хранящегося также в «пражской коллекции» письма Л. Д. Филиппович к Герценам (1841), подписанного корреспонденткой.

В «Былом и думах» Герцен писал об «артистической ловкости диалектики» Л. Д. Филиппович и особо отметил ее любовь к чтению. Содержание и язык публикуемых писем соответствуют этой характеристике и свидетельствуют о незаурядном уме и начитанности их автора. Они представляют интерес и как материалы для биографии Герцена и как источник для комментария соответствующих мест «Былого и дум».

Письма печатаются по автографам «пражской коллекции» (ИГАОР, ф. 5779, оп. 1, ед. хр. 126 и 129).

В. И. ФИЛИППОВИЧ (?)

Рисунок Х. Я. Рейхеля 1841 г. в альбоме, подаренном Огаревым Герцену
Центральный государственный архив Октябрьской революции, Москва

Совершенно неожиданно представляется случай сказать вам несколько слов! Что сказать вам? Так много, много на душе! Не угодиться перу за летучей мыслию!

Может быть, я, однако, скоро напишу вам, *en mettant tous les points sur les i**, насколько может это сделать женщина.

Мысли мои в таком разброде в настоящую минуту, что я принуждена для того, чтобы дать вам маленькую идею об своей жизни, послать вам письмо мое к одному приятелю, не горячему и не холодному, которому я, вследствие его наставлений, написала это письмо в минуту досуга². Я упоминаю в нем о полученном мною письме от его *belle-soeur*, в котором она писала мне об вас. Это письмо пришло во время большой для нас невзгоды, невзгоды, продолжающейся и теперь, воздвигаемой злою деятельностью противников с утонченным лукавством, — одним словом, *гонение на честного человека*, мешающего жить и действовать по произволу негодяям.

Я совершенно пришла к убеждению, что у нас процветать могут только одни подлецы. Без покровительства нет возможности защититься безукоризненным поведением, потому что эта безукоризненность есть величайшая обида всем. Каждый смотрит на вас, как на упрек совести и, как говорит Шиллер, «*Auch lieb'ich dich wie das Gewissen*»**³. Вот причина ненависти отовсюду: сверху, снизу, с боков и вокруг. Нет возможности противостоять этой отрицательной общественности, — другой у нас нет***.

Главный grief**** против мужа моего — его простота и нежелание задавать тот тон, задорный и наглый, который принят за обязательный тон на его месте.

Скромный и несуетливый, он никогда не хвалится ни множеством дел, ни своею важностию, за это его презирают в здешнем обществе, и есть люди, умеющие как *klein Zaches* в сказке Гофмана⁴, приписать себе все его заслуги.

Одним словом, здешний вице-губернатор — друг Гвоздева, а жандармский полковник — клевет Тимашева⁵.

Под этим двойным влиянием можете посудить, что делается. У нас никого и ничего нет, кроме доброго имени, честных, истинно добросовестных стремлений, которым на каждом шагу не только мешают, но стараются дать самое кривое толкование всему, что делается. Помещики ненавидят за взгляд на крестьянский вопрос⁶. Общество — за невозможность угощать обедами и балами. Высшие инстанции — за отсутствие благородного металла⁷. Все — за уклонение от общего направления.

Голос ваш может скорее повредить нам, нежели помочь⁸. Но дружба ваша нужна нам, как собственное сознание, и потому она останется в числе тех немногих сокровищ, которые потерять было бы душевное разорение.

Письмо мое несвязно, но я не имею времени переделать его. Вы поймете все, что нужно, — за остальное простите!

Я писала вам прошлого года, но не знаю даже, пошло ли мое письмо — так случилось, что и справиться нельзя было⁹.

От вас трудно иметь известия, а если иногда и получают, то нерегулярно.

* поставив все точки над *i* (франц.).

** «Я и люблю тебя, как совесть» (нем.).

*** Следующий далее текст письма (до слов «за остальное простите!») начинается в рукописи с новой страницы. Он был разъединен с основным текстом и обнаружен среди документов другой архивной папки. Является ли он прямым продолжением письма и не осталось ли в письме пропусков, утверждать нельзя. — *Ред.*

**** упрек (франц.).

Мы видели портрет ваш и сравнивали с тем, который был и есть у нас — какая перемена! ¹⁰. Теперь сын ваш должен быть похож на тот портрет, который делал Р(ейхель) ¹¹.

Как много переменялось с тех пор, как мы не виделись! Целое поколение выросло и возмужало — а река наша все те же мутные воды несет туда же, как и прежде, все так же люди ловят рыбу в этой мутной воде! Все та же подлость и низость, все та же злоба и ложь, только мы не стоим уж, как прежде, в стороне от этих людей — напротив, теперь мы сделались целью, в которую метит каждый негодяй. Никто не заботится о благе общественном, а заботятся только о протекции, протекция дается или родным человечкам, или, как розовое масло, ценится на вес золота.

Беда тем людям, у которых нет на высоких местах родных человечков, беда тем людям, у которых не на что кушить розового масла!

Вот причины, почему я думаю и надеюсь, что мы недолго будем смотреть, как удят рыбу в мутных волнах нашей реки, не будем наблюдать феноменальное явление, что когда рука руку моет, то обе *грязны* бывают.

Дай бог только сказать, как Франциск Первый после потерянной битвы etc. ¹² Но об чести В(ладимира) И(вановича) даже враги его не сомневаются. Теперь стараются доказать, что все, что им делается, делается не им, а другими.

Если б вы увидели лично настоящий *случай*, он отчасти мог бы вам сообщить кое-что из собственных наблюдений ¹³.

Память о вас жива в душах наших, со всем тем счастьем, которое досталось нам в удел.

Приписка рукою В. И. Филипповича:

Может быть, почерк этой руки ¹⁴ припомнит вам человека, который столько любил и уважал вас, когда вы были с нами, — верьте, что эти чувства не остыли от времени. Напротив, более, нежели когда-нибудь, он призывает на вас благословение божие, чтобы его могущая рука укрепила вас на святом пути, который вы себе избрали.

¹ Как показывает содержание письма, оно относится ко времени губернаторства В. И. Филипповича, т. е. к 1857—1862 гг. Точная датировка затруднительна, но возможно сужение рамок этой широкой датировки. По всей вероятности, письмо написано не ранее 1858 г., так как, жалуясь на трудное положение мужа, Филиппович говорит, что «помещики ненавидят его за взгляд на крестьянский вопрос». Такое отношение крепостников-помещиков к губернаторам стало особенно характерно в период после образования губернских комитетов в 1853 г. и наделения губернаторов полномочиями по подготовке и проведению крестьянской реформы. С другой стороны, встречающееся в тексте упоминание имени А. А. Гвоздева, умершего в конце 1860 г., не позволяет отнести письмо позднее этого срока. Таким образом, мы датировем письмо периодом 1858—1860 гг.

² Это письмо неизвестно, и кому оно было адресовано — не установлено.

³ Перифраза строки из эпитагмы Шиллера «Der Aufpasser» («Соглядатай»), из цикла «Votivtafel» («Памятник»).

⁴ *Крошка Цахес* — герой одноименной повести Гофмана.

⁵ *Здешний вице-губернатор* — Эдуард Васильевич Лерхе. — Александр Александрович *Гвоздев* (1810—1860), — по определению Герцена, «податель всех благ и мест по министерству внутренних дел» (IX, 280—281), — директор департамента общих дел этого министерства. *Жандармский полковник* — К. М. Буцковский. В делах III Отделения сохранились документы, подтверждающие правильность предположений, высказанных Л. Д. Филиппович как на его счет, так и на счет Лерхе (см. ЦГИАМ, дело III Отделения, 1-й экзп., № 321, 1857 г.: «О доставлении жандармскими штаб-офицерами сведений относительно расположения умов в губерниях и о происходящих толках и рассуждениях». Часть 33. По Вологодской и Новгородской губ. 28 октября 1860 г., лл. 2—6).

⁶ По словам С. И. Носовича, которого губернатор Филиппович назначил членом от правительства мирового съезда трех уездов, — сам Филиппович, определяя свои взаимоотношения с крепостнически настроенным дворянством губернии, говорил, что «положение его как губернатора очень трудное и щекотливое в крестьянском вопросе, что он стоит между двумя огнями, что, с одной стороны, недовольное дворянство стре-

ляет через него в правительство, а с другой стороны, правительство действует чрез него на дворянство» (С. И. Носович. Цит. соч., стр. 9).

⁷ В формулярном списке Филипповича, в графе об имущественном положении сказано, что ни он, ни его жена не имеют ни родового, ни благоприобретенного имения.

⁸ Герцен, повидимому, намеревался воспользоваться информацией о крепостнических вождениях новгородского дворянства для обличительной заметки в «Колоколе». Такая заметка в печати не появилась. Но, позднее, на страницы «Колокола» попало имя самого Филипповича, хотя и по ошибке. Оно было напечатано в черном списке губернаторов, назначивших в особое присутствие по крестьянским делам членами от правительства помещиков-крепостников. Филипповичу ставилась в вину посылка в присутствие бывшего эксперта Редакционной комиссии — Позена, «уволенного из оной за защиту крепостного права» («Колокол», л. 93, от 1 марта 1861 г.). Недоразумение вскоре разъяснилось. «Колокол» был неправильно информирован своим корреспондентом, перепутавшим двух братьев Позенов — новгородского помещика Ивана Павловича и полтавского — Михаила Павловича. Последний являлся автором одного из крепостнических проектов реформы и был действительно тем уволенным экспертом Редакционной комиссии, о котором писал «Колокол». Что касается Ивана Павловича, то он отношения к Редакционной комиссии не имел и к тому же не был назначен Филипповичем в присутствие, а был выбран туда от дворянства. Все это сообщалось в письме-опровержении в редакцию «Колокола», которое Герцен поспешил напечатать под заголовком «Филиппович и Позен» в л. 141 «Колокола» от 15 августа 1862 г.

⁹ Письмо это неизвестно.

¹⁰ Какой портрет Герцена был у Филипповичей — не установлено. В «пражской коллекции», в альбоме, подаренном Герцену Огаревым, сохранился карандашный портрет Герцена с подписью «Филиппович». Является ли эта подпись авторской, или принадлежит кому-то другому — неясно (см. воспроизведение в «Лит. наследстве», т. 61, 1953, стр. 733). Портрет очень напоминает один из рисунков, сделанных Рейхелем с Герцена. Однако Н. А. Герцен (дочь) называет автором портрета Филипповича. Есть основание думать, что генерал был художником-любителем. В списках лиц, посещавших занятия Московского художественного класса в 1833—1834 гг., значится «полковник Филиппович» (см. А. А. Благовещенский. Учлище живописи, ваяния и зодчества в Москве. «Русский художественный архив», 1894, вып. I, стр. 3). Хотя инициалы Филипповича в списке не обозначены, вполне возможно, что речь идет именно о Владимире Ивановиче — с 1832 г. полковнике, обер-квартирмейстере 4-го пехотного и 1-го Резервного корпуса, стоявшего в начале 1830-х годов в Москве.

¹¹ Карл-Христиан-Филипп Яковлевич Рейхель (1788 — конец 1857 или начало 1858 г.). Какой портрет Герцена работы Рейхеля имеет в виду Филиппович, неясно. Известно два портрета, сделанных художником с Герцена (см. воспроизведение в «Лит. наследстве», т. 39-40, 1941, стр. 101, 105, 121). Оба представляют собой карандашные наброски, причем один дошел до нас в двух вариантах. Не исключено поэтому, что существовал и какой-то более законченный портрет Герцена работы Рейхеля (см. в следующем томе «Лит. наследства» наше сообщение о Рейхеле, забытом художнике и друге Герцена).

¹² Подразумеваются слова «все потеряно, кроме чести», приписываемые французскому королю Франциску I после поражения в битве под Павией (1525).

¹³ Настоящий случай — так в целях конспирации Л. Д. Филиппович обозначает очевидно неизвестное нам лицо, с которым она послала к Герцену свое письмо.

¹⁴ Хотя почерка В. И. Филипповича мы не знаем, однако приписка к письму его жены, написанному от лица их обоих и в значительной части посвященному его делам, едва ли могла принадлежать кому-нибудь, кроме него.

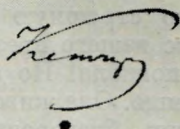
С тех пор, как я видела вас, я все хворала. Доктор велит мне ехать в Шинценал и прописал пить les eaux de Chalus три недели до отъезда. Уже неделя прошла с тех пор. Следовательно я, может быть, не увижу детей ваших. Пансион наш наполнен молодежью, праздными, пустыми личностями. Во время вашего посещения никого не было.

Тяжел сон моей настоящей жизни, и самая мысль похожа на бред. Мне кажется, что я куда-то выброшена кораблекрушением и не могу опомниться, не могу привыкнуть к своему совершенному отчуждению от всего живущего и чувствующего. Часто боль сердечная растет, растет каким-то мутным потоком и запруждает стоячими водами провал, образовавшийся под ногами моими. Я гибну — мне некогда любить. Безвыходное горе

«КАПРИЗЫ И РАЗДУМЬЕ»
ЭКЗЕМПЛЯР С НАДПИСЬЮ
ГЕРЦЕНА Н. Х. КЕТЧЕРУ

Оттиск из «Петербургского
сборника», 1846 г.

Библиотека СССР
им. В. И. Ленина, Москва

КАПРИЗЫ
и
РАЗДУМЬЕ.

ИСКАНДРА.

затопляет каждое чувство, каждую мысль. Одно утешение, что не он, мой добрый друг ², испытывает тоску, доставшуюся на мою долю — одинокой, безотрадной, бесприютной странницы.

Вы справедливо сказали, что я всегда что-нибудь делала в жизни. Особенно много возилась с детьми, но тогда мне было на что опереться. Я знала, что я не одна на свете, что есть возле меня сердце, преданное мне совершенно, ободрявшее меня на всякое доброе дело и стремившееся по-своему к добру, к науке, к бескорыстному полезному труду и находившее, в свою очередь, в моем участии, не всегда сознательном, но всегда горячем и искреннем, нравственную поддержку. Ему было бы еще тяжелее пережить меня, я это знаю, потому что когда я была отчаянно больна, он был невыразимо несчастлив, — но я осталась жива, и его не стало... Эти слова можно выговорить, можно написать, но понять их не могу, не умею.

Простите меня, что я *вам* жалуюсь! Это так глупо, так бесполезно. Но я не жаловалась никому, да и некому было — я молча перенесла свое нравственное распятие. Я не надеюсь, не рассчитываю на утешение, но оно мне нужно, оно мне необходимо, потому что я погибла... Недавно я встретила похороны и спросила девочку на улице, кого хоронят? «C'est la mère Morin, — отвечала она. — Son dernier enfant est mort et elle s'est noyée dans le lac de maladie noire»*. Я повернулась и пошла домой, но мысль об несчастной долго оставалась на душе моей, как что-то недоступное, но завидное. О вера, вера моя, где твое утешение? Я презираю себя. Есть люди, которые умирают от перелома сердца, как говорят англичане: broken-hearted, а я живу. Кровь моя превратилась в яд. Голова покрылась какой-то отвратительной сыпью — вся больна с головы до ног. Сердце изныло, но живу и рошчу и не умею умереть.

* «Тегушку Морен. У нее умер последний ребенок, и она с тоски утопилась в озере» (франц.).

Знайте же, почему я опять не стремилась увидеть вас. Я не боюсь показать вам свою страшную жизнь с ее отвратительными последствиями; не хочу только вашего презрения. В душе моей одно страшное сознание: его нет, и я погибла! Но прошедшее не изменилось. Память его — мое святое сокровище. Она живет в душе всей чистотой безукоризненной мученической жизни, благородными стремлениями; это прекрасная высокая душа! И все, все живо и цело в воспоминании, но силы нет ни жить, ни умереть!

Я рада бы была видеть вас, *как могу быть рада*, более нежели с горем пополам; говорить же не умею более, желать нечего, думать... об чем? Пишу это все для того, чтоб вы знали, заглянули бы в мою живую могилу, в душу мою — вот что такое я стала... Стоит ли вашего внимания несчастная развалина Diesseit's? *

Если вы придете, то скажите так же, как прошлый раз, *une vieille connaissance de madame* **. Пройший раз никто не заметил, никто не спросил, между тем любопытство здесь непомерное, как у всех праздных людей.

Может быть, вы напишете. У меня привезены сюда ваши веселые записки ³, писанные некогда по соседству из дома в дом. Как все переменялось — все почернело с тех пор!

14 мая

¹ Письмо написано во время пребывания Л. Д. Филиппович в Швейцарии, после свидания с Герценом, т. е. в мае 1865 г. (XVIII, 95). Этому соответствует и помета в конце письма «14 мая».

² Речь идет о В. И. Филипповиче, умершем в 1862 г. «Мало я видел больше гармонических браков...», — писал о Филипповичах Герцен в «Былом и думах» (XIII, 18).

³ «Ваши веселые записки» — вероятно записки, писавшиеся Герценом к Л. Д. Филиппович во время их совместной жизни в Новгороде. Возможно, что Филиппович привезла их с собою в Швейцарию, чтобы вернуть Герцену. Судьба этих записок неизвестна.

В «пражской коллекции» сохранилось письмо Л. Д. Филиппович к Герценам, написанное «из дома в дом», 20 ноября 1841 г., вскоре после первого знакомства с ними. Приведем несколько выдержек из этого письма, не лишённого интереса как дополнение к «Новгородским спорам с дамой».

Возвращая взятые у Герценов книги, Филиппович говорит о себе, желая, очевидно, поближе познакомиться с собою своих новых друзей: «С большой благодарностью возвращаю вам ваши книги (...) Я существо слабое, я ищу того, чего мне нехватает, — силы, убеждения и, в конечном итоге, — веры. В этом для меня апофеоз существования (...)

В молодости я любила поэзию: она, как зеркало, отражала жизнь, исполненную мечтаний, надежд и любви; теперь для меня все изменилось — могила, где трижды была погребена самая дорогая моя привязанность, ограничивает мой земной путь. Не Wehmut***, не меланхолия, а отчаяние — болезнь неустойчивых сердец — держит меня в своих железных когтях. Куда бежать от этой страшной силы? Поэзия исчезает там, где сердце в агонии (...) Но она (поэзия) явилась для меня проводником к другой поэзии; она открыла мне то, чему служит ступенью, — религию.

Простите за столь длинное послание. Оно — доказательство того, что я дорожу мнением обоих таких людей, как вы и ваш муж. Я хочу, чтобы вы знали, как вам держать себя со мной, я не хочу казаться другой, чем я есть. Существо слабое, несчастное и любящее. Вы оба внушаете мне чувство какой-то материнской нежности. Я желаю вам всего самого лучшего (...)

С своей стороны посылаю вам историю Ишимовой и воспоминания одного политического заключенного. Это несколько грустновато, но чего можно требовать от такой невеселой материи?

Пришлите, если можно, рисунки, которые вы как-то показывали нам (...)

Посылаю вам несколько детских книг. Хотя они и далеки от совершенства, мне кажется, чтение их будет не без пользы. Впрочем, в этом вопросе г. Герцен гораздо лучше разберется и решит. Мне хотелось только показать, чем я занимала своих детей...» (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 226, лл. 25—26 об.—Подлинник на французском языке).

* этого мира (нем.).

** старый знакомый (франц.).

*** тоска (нем.).